
ОТТЕПЕЛЬ
РАЗИЯ ОГАНЕЗОВА

Разия Оганезова
Оттепель

https://litres.ru/74737493
SelfPub; 2026

Аннотация

Дождь — это не повод грустить. Иногда он просто стирает старые следы.

Максим Орлов и Анна Смирнова никогда бы не встретились, если бы не их семья. Оба пережили тяжелые разводы и закрылись от мира за стенами цинизма и профессионального долга.

Но их родные решили иначе: они отправили их на шоу «Поженимся?», где 5 мужчин и 5 женщин пытаются найти любовь под прицелом камер. На базе отдыха среди осенних листьев и мокрых дорог Максим и Анна становятся союзниками против общего врага — навязанных ожиданий.

Он — бизнесмен с разбитым сердцем, привыкший держать всё под контролем. Она — врач-психотерапевт, которая боится быть уязвимой больше, чем остаться одной.

Их знакомство начинается со спора, а заканчивается поцелуем под первым осенним дождем. Но смогут ли два человека, которые так боятся повторения ошибок прошлого, дать друг другу второй шанс?

Роман о том, как иногда чужой план может привести нас к самому важному событию нашей жизни.

Содержание

Пролог 4
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Разия Оганезова
Оттепель

Пролог

— Нет, нет и еще раз нет! — жестко и коротко ответила матери, так как зная ее характер, она не оставит меня, в покое, пока мой ответ ее не будет удовлетворять.

— Но почему? — мама обиженно надула губы, чем взбесила меня еще больше. Вот только она могла доводить меня до точки кипения за несколько секунд .

— Во-первых, не хочу, во-вторых, мне это не интересно. В-третьих, мне некогда заниматься такими глупостями.

— Ты в отпуске не была уже несколько лет, можно и устроить себе его, - не соглашается мама и находит еще один аргумент.

— Если и устрою, то явно это будет где-то далеко и возле моря желательно.

— Там прекрасная база отдыха на берегу Волги.

— Мама, такое ощущение, что ты мне не мать, а враг. Ты же знаешь, что я не переношу камеры и внимание СМИ.

— Такое ощущение, что ты не психотерапевт, а трусливый

страус, прячущий голову в песок. Может стоит уже проработать эту проблему?

— Давай я сама буду решать! У меня прием, прости, не могу больше говорить! – отключаю видеозвонок и устало откидываюсь на кресло.

До приема еще полчаса, но мама понимает только занятость работой.

В мысли врывается пиликанье телефона. Сообщение от мамы. Ну что там еще?

«Прости, но ты уже согласилась на участие в шоу».

И следом прилетает документ в пдф, отправляю на принтер и распечатываю скан договора, с моей подписью в конце. Я что, под гипнозом была?

«Но как?» - только и могу отправить в ответ.

«Я тебе всегда говорю, надо читать то, что подписываешь!»

Вспоминаю, как на прошлых выходных у мамы на обеде получила бумаги, которые она просила подписать. Прямо перед самым моим уходом! Я так спешила, что даже не спрашивала, что это.

«Ну ты же моя мать!»

«В этой жизни не стоит доверять никому, кроме себя».

Вот уж точно. Внизу мелким шрифтом прописана такая неустойка, в случае отказа, что проще согласиться. Как же бесит!

Сложила руки на документ, а поверх них опустила голову.

Во что я только что вляпалась?!

ГЛАВА 1

Я стою на террасе, а в горле комок. Камеры повсюду — они висят над нами, как хищные птицы, висят на столбах, находятся в руках операторов, которые незаметно для других, но заметно для нас, ходят по кругу, то приближаясь, то отдаляясь. Я чувствую объективы даже за своей спиной.

Мама стоит рядом со мной, прямая, как всегда. Она одета в строгий костюм с брошей, будто пришла не на шоу знакомств, а на конференцию кардиологов.

— Не нервничай, — шепчет она мне. Но я уже вижу, что мои руки предательски дрожат.

— Мам, я врач-психотерапевт, а не актриса. Как я буду работать под прицелом камер?

Она кладет ладонь мне на плечо:

— Ты справишься. Просто представь, что это твой новый пациентский кейс. Наблюдай за ними, записывай свои мысли для диссертации или книги. Это же бесценный материал!

Это звучит логично и действительно успокаивает. Делаю глубокий вдох и решаю: раз уж я здесь, то превращу этот кошмар в исследование.

Я начинаю считывать людей еще до того, как они вошли. На террасе расставлены десять столов по пять друг напротив друга. На каждом стоят таблички с именами участников и их профессиональной деятельностью.

***

Первыми появляются девушки. Как ни странно звучит, но в данном шоу принимают участия и мамы или другие близкие родственники. Вот так все заковыристо придумано, поэтому мы с мамой заходим и занимаем свой столик. Следом появляется Полина — блогер из Москвы, вся в блестках и с камерой на шее (она явно привезла свою). Ее мама — такая же яркая, но без макияжа; кажется, она приехала сюда только ради дочки.

Следом заходит Ольга — юрист, ледяная красавица лет сорока пяти. С ней взрослая мать с добрым лицом.

Дарья — художница, самая тихая и красивая. Явно будет пользоваться популярностью у мужчин.

Она — «дева в беде», которую все захотят спасать. У нее самые красивые волосы, волнистые каштановые локоны. Рядом с ней сидит ее мама в ярком сарафане, босиком даже сейчас, в сентябре, наверное тоже женщина творческой профессии.

А последняя девушка — Катерина, бизнес-партнер и деловая женщина. Холодная, собранная, с папкой документов вместо чемодана. С ней, суровая женщина, которая сразу пристально начинает за всеми наблюдать.

А потом входят мужчины. Их сопровождающие создают настоящий контраст. Бабушка Андрея — просто чудо. В бар-

хатном платье и боа, она тут же находит общий язык с мамой Дарьи. Они начинают говорить о травах и чакрах. Хорошо, что их столики находятся друг напротив друга.

Следом заходит взрослый мужчина около пятидесяти. Выглядит как типичный директор завода, им и оказывается, когда занимает свой столик.

Сергей вызывает чувство надежности. Он явно с матерью. Женщина высокая и чрезмерно худая с чопорным пучком на голове и в прямом черном платье.

Следом заходит очень молодой парень. Интуитивно понимаю, что это Илья. Он повар с очень симпатичными ямочками. Думаю, понравится девушкам. С ним тучная женщина совершенно на него не похожая, но с добрым лицом.

За ним заходит явно бизнесмен Максим. Он бы мог мне понравится, но его надменный вид сразу отталкивает.

Максим привел дочь. Нет, не маму. Его дочь-подросток выглядит очень серьезной. И уверена, именно она заставила его надеть ужасный пиджак с блестками на плечах. Он совершенно ему не подходит, но придаёт какого-то шарма.

Последним заходит Евгений, но даже если бы он не был последним, я бы поняла, что именно он писатель. От него веяло творчеством. Захотелось пообщаться. Люблю умных собеседников с которыми есть, что обсудить.

Когда все рассаживаются, я понимаю, что нас очень много. Не десять человек, а двадцать. Десять участников и де-

сять сопровождающих.

Чудесно… как бы ещё не умереть от счастья раньше времени! Мне, как интроверту, такое скопление людей давило на нервы.

«Персонажи» — тихо прошептала себе, как мантру. Чувствую, только это и будет держать меня на плаву.

Что ж, тут кто-то торжественно объявляет: шоу начинается.

Раздаются аплодисменты, сдержанные улыбки, я же кремень.

Вносят первое письмо. Ведущий объявляет: сегодня выбирают мужчины. Им нужно взять чашки кофе и подойти к тем девушкам, которые им интересны.

Началось….

***

К моему столу сначала никто не подходит. Затем меня выбирает Илья, молодой повар. Он приносит две чашки, одну - для меня, вторую ставит перед моей мамой. Он такой милый, что даже моя каменная мать улыбается ему.

Все это конечно приятно, но для меня он совершенно ребенок.

Никогда не рассматривала мужчин младше для отношений. Мне с ними просто не о чем разговаривать.

Ольга остается одна. Ни один мужчина не подошел к ней. Даже Сергей, директор завода, который ищет женщину старой закалки, прошел мимо и сел за столик Екатерины.

Ей больно, это видно по тому, как она сжимает салфетку.

Отмечаю данный факт машинально, больше чем уверена, никто и не заметил данного факта.

Зато у Дарьи настоящее столпотворение. К ней подходят Андрей с бабушкой и писатель Евгений со своей экзальтированной матерью.

Максим идет ко мне. Точнее, он делает вид, что сначала идет к Екатерине, но останавливается возле моего стола. Он ставит чашку слишком резко, брызги попадают на скатерть.

Я медленно поднимаю взгляд на него.

— Вы психолог? Отлично. Может, объясните, почему я должен был надеть эту идиотскую вещь? — он дергает воротник своего пиджака.

Я улыбаюсь впервые за день. Мне нравится его грубость. Честность — лучше притворства.

К Полине тоже никто не подошел. Испугались, видимо, ее яркой внешности. Но я вижу, что внутри она совсем другая и думаю, кто захочет это рассмотреть, обязательно заметит.

Впереди еще пять дней.

Надеюсь, я не сорвусь и никого не пошлю. Чувствую, после этого шоу мне самой нужен будет психотерапевт.

Отмечаю внутри себя еще один момент, который до сих пор цепляет и никак не связывается с моей картиной мира.

Концепт шоу необычный, наверное даже лучше, что ты приходишь на проект не один. Хоть какая-то поддержка…

Наверное. Девушкам, которых никто не выбрал, ни так обидно. Они сидят не одни за столиками, а с поддержкой.

Мне приходится включиться в разговор за столом. Вежливость наше все.

***

После первого знакомства нас отправляют заселяться. Домики стоят вдоль реки, утопают в осенних листьях. Мы идем все вместе.

Мужчины показывают свой характер мгновенно.

Андрей несет огромный чемодан мамы Дарьи, хотя та просит его опустить. Его бабушка командует: «Держи выше, сынок!»

Сергей, напротив, бежит вперед, чтобы проверить домики. Ему важно всё осмотреть самому.

Евгений скромно придерживает двери открытыми для девушек.

Илья обещает приготовить для всех чай. Он говорит, что хочет сделать вечер уютным.

Максим просто молча идет рядом с дочерью. Он демонстративно игнорирует мою просьбу помочь с кофром. Но я замечаю, как он помогает дочери, забирая её рюкзак.

Мы едва успеваем распаковать вещи, когда нас снова зо-

вут на террасу. Пришло второе письмо.

***

На этот раз выбор за женщинами.

Сегодня ужин готовят мужчины. Девушкам предстоит выбрать, с кем они будут ужинать.

Илья, конечно, выигрывает. Он обещает борщ, стейки и десерты. Все женщины, кроме Екатерины, выбирают его. Даже Ольга, которой было так обидно быть отвергнутой, соглашается сесть с ним.

Остальные мужчины выглядят растерянными.

Максим заявляет, что будет готовить пасту карбонара, но добавляет: «Если вы умеете читать состав ингредиентов и рецепт из интернета». Его цинизм работает против него.

За столом царит хаос. На кухне Илья творит чудеса, а остальные пытаются не испортить еду.

Бабушка Андрея суетится вокруг плиты, помогая внуку, с ними Екатерина.

Мама Полины постоянно фотографирует процесс, выкладывая сторис для дочери в ее блог.

Мать Евгения громко комментирует каждый шаг сына, называя его беспомощным. Судя по всему хочет сразу отвадить всех потенциальных невесток.

Я сажусь за стол рядом с компанией Ильи. Еда прекрасна, но разговоры идут тяжело. Женщины перебивают друг друга, стараясь произвести впечатление. Только Дарья тихо ри-

сует на салфетке, погруженная в свои мысли.

Максим садится рядом со мной, потому что больше нет свободных мест. Он ест медленно, тщательно пережевывая пасту.

— Знаете, доктор, вам, несказанно повезло. Здесь столько интересных персонажей и ваших будущих клиентов. Вы напечатали визитки?

Я фыркаю:

— Первым будете вы с таким экстравагантным пиджаком.

Он усмехается, показывая белые зубы.

— Значит, вы заметили. Пункт первый: вы наблюдательны. Второй: вы тоже раздражительны. Похоже, нам будет о чём поговорить.

***

Вечером, после ужина, я ухожу гулять. Хочется сбежать от шума и вспышек камер, но нет уверенности в том, что скрытые камеры отсутствуют.

База отдыха прекрасна в сумерках. Листья шуршат под ногами, воздух пахнет дымком костров. Я думаю об этих людях, пытающихся найти счастье среди чужих ожиданий.

Интересно, они действительно в это верят? Или у них свои цели?

Поднимаю голову к кронам деревьев и чувствую как начинает моросить дождь. Он прорывается сквозь листья, капли едва долетают до земли но этого достаточно, чтобы понять

простую истину: придется возвращаться в этот серпентарий.

— Доктор Смирнова, куда спешите?

Голос Максима резонирует в тишине. Он стоит в нескольких метрах от меня, скрестив руки на груди. Мокрые капли дождя поблескивают в его волосах.

Видимо в дождик он попал на открытой местности, мне повезло больше.

— Бегу от вашего дурацкого пиджака, Орлов. И от вашей спутницы. Хотя, признаюсь честно, ваша дочь очаровательная.

Он ухмыляется, обнажая ту самую уязвимость, которую пытается скрыть.

— Моя дочь — единственный человек, которому я доверяю выбирать одежду. Видимо, зря.

Мы стоим лицом к лицу, разделенные лишь каплями дождя. Между нами проскальзывает напряжение, которое сложно назвать враждебностью. Скорее, это интерес двух раненых зверей, которые учатся узнавать запах друг друга.

ГЛАВА 2

Я стою на веранде домика, глядя в темноту. Дождь стих, но капли еще стучат по листьям. Я ненавижу это место, но ради дочери приходится терпеть.

Вчера я лег спать только под утро и проснулся от того, что кто-то сидел на моей кровати.

— Пап! Вставай! Завтрак!

Это Полина.

Она единственная причина, почему я не сбежал отсюда вчера же. С ней я могу быть собой — грубым, усталым, раздраженным. И самое главное, что она меня любит и таким тоже.

На завтрак мы приходим первыми. Полина сразу бежит к бабушке Андрея, они уже подружились из-за вкусных пирожков. За столом я вижу эту чертову компанию.

Ольга со своей мамой сидит отдельно, как королева со свитой. У нее такой вид, будто она проглотила лимон. Дарья и ее мама-арт-терапевт шепчутся о чем-то своем, рисуя на салфетках. А эта психолог Анна смотрит на всех с профессиональной улыбкой, словно изучает нас через микроскоп.

Илья-повар снова готовит кофе, он единственный, кому здесь комфортно. Остальные мужчины выглядят потерянны-

ми.

— Ты чего так смотришь? — спрашивает дочь. — Не нравится?

— Нет. Мне вообще ничего тут не нравится.

Она берет мою руку:

— Потерпи ради меня. Ты ведь обещал.

После завтрака нас собирают без камер. Хоть что-то хорошее в сегодняшнем утре.

Ведущий объясняет правила дня. Оказывается, наше шоу — это просто рекламная площадка. Каждое свидание будет проходить там, где нам заплатили за упоминание бренда.

Собственно, а чему я удивляюсь?

Боулинг, театр, гончарня, катер, приготовление еды. Все эти места выбраны не нами, а маркетологами.

Меня это несколько выводит из себя, потому что имею совершенно другие представления о тех же свиданиях. Но когда я начинаю ворчать, Полина кладет мне ладонь на рот:

— Пожалуйста, пап. Это всего несколько дней. Потом ты опять вернешься к своей работе.

Я сдаюсь. Выбираю карточку с театром, только потому, что у меня есть слабая надежда увидеть нормальную постановку среди этого цирка. Хоть какой-то толк от этого участия.

Девушки выбирают карточки вслепую. Сначала они вытягивают жребий, в котором отражается порядок участия в этом безумии.

Мы стоим друг напротив друга и между нами стол, на котором лежат пять конвертов с названиями свиданий. Наши сопровождающие сидят недалеко на стульях и наблюдают за нами.

Первая выбирает Полина — взбалмошная блогерша. Уверен, что театр она не выберет. По крайней мере очень на это надеюсь, так как от ее постоянного мельтешения в ярких образах и записи прямых эфиров, у меня уже итак голова болит.

Барабанная дробь…. И….

Пронесло.

Она выбрала «Прогулку на катере».

Ведущий спрашивает у Полины.

— Как думаете, кто скрывается за данным свиданием?

— Думаю или Сергей, или Максим. Главное, чтобы не Евгений, — возвела она глаза вверх.

А я усмехнулся про себя, так как насколько помню, именно Евгению и досталось это свидание. Пока он витал в своих мыслях, мы все другие свидания как раз-таки и разобрали.

Следующей выбирала Дарья. Я подумал, что она могла бы выбрать театр, а возможно гончарню, так как была очень творческой. Но она выбрала «Приготовление лапши».

Хотя, если подумать, это тоже творчество в какой-то степени.

— Как думаете, кто скрывается за данным свиданием? — мои мысли нарушил вопрос ведущего.

— Наверное, Илья, — тихо произнесла девушка, чуть покраснев.

Ольга выбирает свидание в гончарне, предполагая, что его устроил Андрей.

Анне остаётся или боулинг или театр. Я замираю, ожидая ее выбора.

— Театр, - улыбается она, а я выдыхаю.

— Как думаете, кто устроил это свидание?

— Уверена, что Евгений, - отвечает она ничуть не замешкавшись, а я усмехаюсь про себя.

Люблю наши подколки с доктором. Они хоть немного оживляют этот цирк с конями.

Екатерина, мой зам, которая тоже принимает участие в этом безумии, забирает боулинг, надеясь, что я выбрал его.

Она совсем меня не знает. Совершенно.

После выбора девушек, ведущий немного держит интригу, а затем говорит нам, мужчинам, занять места возле девушек согласно их выбора.

Мы встаем как-то синхронно, выходим к центру и начинаем движение в нужную нам сторону.

Все удивлены, а многие и возмущены, особенно Полина, когда рядом с ней становится Евгений.

Андрей с Дарьей идут готовить лапшу. Сергей с Ольгой — два человека с диаметрально-противоположными мнениями о жизни, будут вместе мастерить в гончарне. Главное, чтобы она целая осталась после их визита. Екатерина впервые смущается, когда рядом с ней становится Илья.

Я встаю рядом с Анной. Она оборачивается ко мне, и я ловлю тот самый взгляд врача-психотерапевта. Взгляд, который пытается понять, что творится у тебя внутри.

Гвалт от разговоров, возмущений и эмоций участников и их сопровождающих дают мне возможность просто взять Анну за руку и вывести из этого дурдома. Нас ждет интересный вечер в театре, а потом мы идем в японский ресторан. Рестораны и кафе мы тоже посещаем те, которые оплатили рекламу. Поэтому выбор большой, но бесит, что все равно в какой-то мере не спонтанный и не твой.

***

Мы едем в молодежный театр. Внутри темно, стены выкрашены в черный цвет. На сцене — минимализм: несколько прожекторов и странные конструкции. Постановка называется «Оттепель».

Я стою на пороге зрительного зала, чувствуя себя не в своей тарелке. Вокруг — мрак, лишь несколько узких лучей света выхватывают из темноты странные конструкции и силуэты актеров. Я ненавижу такие постановки: они слишком

претенциозны, требуют от тебя работы мысли вместо того, чтобы просто развлекать.

Но когда я сажусь рядом с ней, что-то меняется. Мы сидим близко, наши локти почти соприкасаются. Она смотрит на сцену широко раскрытыми глазами, а я... я смотрю на неё.

В зале темно, камер нет, по крайней мере я на это надеюсь. Здесь я могу быть собой, а не персонажем для шоу или дочери. Её сосредоточенность на спектакле позволяет мне расслабиться. Обычно я чувствую себя обнаженным под взглядами людей, но сейчас ее внимание направлено куда угодно, только не на меня. Это дает передышку.

Спектакль — это не классика, а современное прочтение истории любви. Вместо слов актеры используют свет и тени.

Они создают образы руками, превращая световые пятна в деревья, птиц, реки. Когда сцена освещается красным светом, Анна замирает. Я вижу, как ее лицо становится серьезным, задумчивым. И тут я ловлю себя на том, что испытываю те же эмоции. Не потому, что постановка гениальна, хотя стоит признать, что она неплохая, а потому, что Анна их испытывает. Ее реакция заразительна. Впервые за долгое время я позволяю себе чувствовать то, что чувствует другой человек.

Когда на сцене разыгрывается история о разлуке, я вспоминаю, как несколько лет назад мы смотрели эту постановку с бывшей женой. То-то мне кажется все на сцене довольно знакомым. Труппа театра выступала в другом месте, поэто-

му и не признал сразу, ну да ладно, сейчас о бывшей. Тогда ей было скучно, она постоянно смотрела на часы и жаловалась на холод. А теперь я здесь с женщиной, которая поглощена каждым движением актера. Этот контраст резонирует со мной.

Ее лицо меняется вместе со сценой: удивление, грусть, радость. И я вдруг осознаю, что впервые за долгое время смотрю спектакль не один.

Я понимаю, насколько разными были эти два вечера. С бывшей это был ритуал, дань статусу. А сегодня... сегодня это просто театр, и он почему-то важен.

Ее профиль в свете прожекторов кажется мне знакомым. Нет, не лицом, а чем-то другим. Тем, как она сидит прямо, как слегка морщит нос при смене сценографии. Рядом с ней я перестаю считать секунды до конца представления. Я даже забываю про этот чертов пиджак с блестками, который мне периодически приходится надевать. Вместо раздражения я ощущаю странную тишину внутри. Будто шум моего внутреннего монолога вдруг стихает.

Я удивляюсь тому, что смотрю спектакль. Что я не ушел через пять минут. Что я замечаю детали постановки. И больше всего я удивляюсь тому, что все это происходит именно с ней. С этой женщиной-психологом, которую я вчера считал очередной «правильной» особой. Сейчас я начинаю понимать, что она гораздо сложнее, чем казалась.

После театра мы идем в ресторан японской кухни. Камеры сначала снимают интерьер и нас в ресторане, мы записываем несколько дублей, а потом их наконец, выключают, и это единственное спасение.

Интерьер выполнен в темных тонах, свечи мерцают на столах. Здесь пахнет водорослями и свежим хлебом. Анна заказывает роллы, я — суп мисо и темпуру.

Разговор не клеится, наверное каждый из нас находится под впечатлением, ведь, как говорили в начале спектакля, каждый увидит что-то свое. Я точно увидел, думаю и Анна не осталась равнодушной.

Когда приносят еду, я смотрю на миску с супом мисо. Пар поднимается, смешиваясь с влажным воздухом за окном, которое приоткрыли. За стеклом — мокрые листья и отражения уличных фонарей.

Это не то место, где я обычно бываю. Я предпочитаю строгие рестораны с безупречным обслуживанием или деловые обеды в офисах партнеров. Здесь же... здесь просто хорошо. Деревянные панели стен, приглушенный свет, запах водорослей. И она сидит напротив меня.

И что меня удивляет в очередной раз, так это то, что она заказала роллы. Роллы! Вчера она казалась мне слишком правильной для такой еды. А сегодня... Она ест их палочками, аккуратно обмакивая в соевый соус. Не как бизнес-леди, а как человек, который умеет получать удовольствие от простых вещей.

После продолжительной паузы разговор начинается неожиданно легко.

Думал, молчание затянется, но это молчание нам было нужно.

Мы говорим о театре. О том, что постановки стали поверхностными. «Коммерция убивает искусство», — говорю я. Обычно эти слова звучат из моих уст высокомерно, но сейчас они выходят легко. Потому что она кивает. Понимает. Мы спорим о режиссуре, и это странно приятное чувство: быть услышанным без желания исправить тебя.

— Почему вы выбрали именно театр? — спрашиваю я. — Думал, вам больше подойдут психологические семинары или на крайний случай прогулки на катере.

— Семинаров, к сожалению не было, - притворно вздыхает она, - а от прогулок на воде меня укачивает. А вот театр — это тоже про психику. Про маски, которые люди надевают. Кто-то играет роль успешного бизнесмена, кто-то — заботливой матери. А кто-то... просто носит дурацкий пиджак…

Я хмыкаю, но не возражаю. Впервые за день я чувствую, что говорю не для камеры или дочери, а просто разговариваю.

Сознаюсь, что уже видел данный спектакль ранее. И он произвел совсем другое впечатление.

Говоря об этом я чувствую, как мышцы лица напрягаются. Это моя красная зона. Но вместо того, чтобы резко оборвать тему, я ловлю себя на желании объяснить ей разницу

между тем вечером и этим. Объяснить, почему тогда было так пусто, а сейчас...

Сейчас я вижу ее лицо при свечах. Оно меняется вместе с выражением мыслей. У нее нет этой маски «я все понимаю» или «я вас изучаю». Нет. Просто искренний интерес. И этот интерес заставляет меня не прятаться.

— И какие тогда у вас были впечатления? — тихо спрашивает она.

На секунду я даже готов рассказать ей про тот вечер, про свою бывшую жену, про то, как больно было видеть равнодушие там, где ты ждал восхищения.

Но я затыкаю эту мысль. Слишком рано. Или слишком поздно? Неважно. Я не привык раскрывать карты сразу. Особенно перед женщиной-психологом.

И тут происходит самое странное. Когда я начинаю грубить «Просто не люблю делиться этим», она не пытается залезть ко мне в душу. Она отступает. Говорит тихо:

— Простите, если я лезу не в свое дело.

В этом «простите» нет снисходительности врача. Есть только понимание границ. И именно это заставляет меня почувствовать облегчение. Будто я прошел какой-то тест и получил одобрение.

Мне странно, что я хочу продолжить разговор, но одновременно хочется уйти. Этот баланс между желанием раскрыться и привычным цинизмом сводит меня с ума.

Я хмыкаю в ответ, но внутри уже идет другая реакция. Мне хочется продолжить разговор. Хочется узнать, какие спектакли она еще любит. Почему она стала психологом. Как она пережила свой развод. Я изучил анкеты всех участников, чтобы понимать, что и от кого ждать. Все эти вопросы роятся у меня в голове, но я сдерживаю их. Превращаюсь обратно в циничного Максима Орлова.

Потому что, черт возьми, я не знаю, кто я рядом с ней. Тот Максим, которому нравится театр? Или тот, кто носит пиджак с блестками ради дочери?

А когда вечером выхожу из ресторана, чувствуя, что впервые за долгое время хочу вернуться туда снова.

***

Возвращаемся на базу поздно вечером. Такси везет нас молча. Я провожаю Анну до ее домика. Ее мама стоит на пороге, проверяя, кто привел дочь домой. Увидев меня, она скрывается в домике, давая нам возможность попрощаться наедине.

Я стою у порога домика Анны. Камеры выключены, и это самое важное правило нашего шоу — «без камер» после свидания. Я не хочу, чтобы кто-то видел этот момент.

Осень обнимает нас с особой нежностью. Дождь стихает, но капли еще висят в воздухе, переливаясь под светом фонарей. Лужи отражают огни базы отдыха, создавая иллюзию

звездного неба прямо здесь, на земле. Ветер приносит запах мокрой листвы и дыма от костров, которые тлеют где-то за домиками.

Анна стоит передо мной. Она выглядит иначе: без той профессиональной маски, которую носила вчера. Ее волосы слегка растрепаны, а глаза блестят не от блеска для век, а от света фонарей. На ней легкий кардиган поверх платья, она явно замерзла, но не уходит внутрь.

— Спасибо за вечер, Максим. Не думала, что театр может быть таким... живым.

Она говорит это искренне, без намека на то, что пытается меня задобрить или изучить как пациента. Это просто констатация факта.

Я киваю, чувствуя, как внутри поднимается привычное легкое раздражение смешанное с чем-то другим. Чертовски раздражающий день. Рекламные контракты, эти идиотские карточки со свиданиями, я хотел бы пойти с ней в другое место...

— Да уж, живой. Особенно когда рядом человек, который умеет видеть его по-настоящему.

Это звучит грубовато даже для меня. Но я не могу сказать ей спасибо так, как говорят другие люди. У меня нет таких слов.

Ее губы изгибаются в легкой улыбке. Она понимает мою колкость, но принимает ее как комплимент.

— Вы умеете говорить комплименты очень своеобразно,

господин Орлов.

Она делает шаг назад, к двери, но останавливается. Между нами остается всего пара шагов, но они кажутся пропастью.

Внутри воюет два желания. Одно хочет уйти быстрее, вернуться к дочери и забыть этот странный день. Другое... другое тянется к этому моменту тишины. К тому, как красиво свет падает на её лицо, подчеркивая линии скул.

Я делаю шаг вперед, сокращая расстояние. Мой голос становится тише:

— Завтра снова будут выбирать женщины. Надеюсь, вы выберете не того повара.

Слова звучат вызывающе, но я сам не уверен, чего именно жду.

Она смотрит мне в глаза. Впервые сегодня я вижу там не профессиональный интерес психолога, а что-то настоящее.

— А вы уверены, что хотите этого? Может мне выбрать вас?

Вопрос застает меня врасплох. Он слишком прямой. Слишком точный. И чертовски похожий на тот, который я задаю себе каждый раз, глядя в зеркало.

Я хмыкаю, пытаясь скрыть замешательство.

— Мне плевать, что я хочу. Главное, чтобы вы выбрали правильно.

И тут же понимаю, что соврал. Потому что впервые за дол-

гое время я действительно хочу, чтобы выбор был сделан в мою пользу.

Она открывает дверь, впуская теплый воздух из домика.

— Спокойной ночи, Максим.

Дверь закрывается медленно, оставляя меня одного наедине со своими мыслями.

Я стою на веранде, глядя ей вслед. Дверь домика закрывается с тихим щелчком.

«Спасибо».

Слово вертится у меня на языке, но я не произношу его вслух. Я никогда не говорю «спасибо» напрямую. Это слово для слабаков и тех, кто хочет что-то получить взамен. Когда ты говоришь «спасибо», ты признаешь свою зависимость от другого человека. Ты даёшь ему власть над собой.

А сегодня... Сегодня она получила слишком много власти. Она видела, как я смотрю спектакль.

Она заставила меня говорить о театре. О том, что мне нравится. А потом, когда я вспомнил про прошлое и что был на этом спектакле с женой она задала вопрос про тот вечер. Про прошлое. Я мог бы оборвать её сразу, грубо. Но вместо этого я позволил себе почувствовать раздражение. Раздражение — это безопасно. Оно защищает. Если я раздражен, значит, я контролирую ситуацию.

Но сейчас, стоя здесь под мокрым небом, я понимаю: я не

был раздражен ею в ресторане. Я был удивлён. Тем, что она понимает театр так же глубоко, как и я. Тем, что она отступает, когда видит границы. Тем, что за этой профессиональной маской скрывается человек, а не врач.

И вот оно — самое страшное признание. Мне было хорошо рядом с ней. Без камер, без блеска на пиджаке, без всего этого шоу. Просто два человека, которые смотрят друг другу в глаза через миску супа мисо.

Сказать «спасибо» означало бы признать это. Признать, что я уязвим. Что этот день выбил меня из колеи больше, чем все разводы и деловые сделки вместе взятые. Сказать «спасибо» означало бы показать ей, что я готов к тому, чтобы она читала меня дальше.

Поэтому я сказал по-другому. Колко. Саркастично. Как всегда. Потому что привычка защищать себя сильнее желания быть понятым.

Я подхожу к своему домику. Полина уже спит. Бабушка Андрея сидит на крыльце соседнего дома, завернувшись в плед. Мы обмениваемся вежливыми кивками. Я поднимаюсь по ступенькам, чувствуя тяжесть дня.

Завтра, наверное снова будут выбирать женщины. Интересно, мужчинам можно будет давать отказ? Если да, то ско-

рее всего все развернется так.

Я знаю, кого выберет большинство. Илья-повар будет окружён толпой. Дарья, наверное, опять получит двух мужчин одновременно. Ольга останется одна, она сама этого добивается своим холодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.